

--

-- Михаил Николаевич Волконский

--

-- Мальтийская цепь

-- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

-- I. Первый приступ

Солнце с утра поднялось зловеще-багровым, словно докрасна накалившееся ядро, шаром, предвещающая непогоду. Попутный ветер, задувший было сначала, засвежел и с каждым порывом становился все упорнее, настойчивее и словно нетерпеливее. К полудню закрепили брамсели и грот. Через час пришлось взять еще по два рифа у марселей - к трем часам начался шторм с ливнем. Огромные, как горы, валы высоко поднимали свой белый гребень, вырастая и рушась, как прозрачные, бурливые, клокочущие живые стены. Они распадались и падали с шумящим, стонущим гулом. Снасти скрипели, дерево трещало. Резкий свист ветра не давал отдыха уху. Погода разыгрывалась.

- Отдать бизань-гитовы! - громким, молодым, радостным голосом кричал в рупор Литта, чувствуя уже в себе тот восторг, который охватывал его, когда начиналось или могло еще начаться настоящее дело, настоящая борьба с любимой, грозной и давно привычной ему стихией. - Тя-яни бизань-шхот...

- Эчеленца {Ваше сиятельство (*ит., искаж.*). (*Здесь и далее прим. автора.*) } хочет привести к ветру? - спросил его старый штурман, приближаясь.

Литта, опустив рупор и придерживаясь и упираясь ногами в скользкую, облитую водою палубу, следил за бросившимися исполнять его приказание матросами.

- Эчеленца... - начал было опять штурман.

На этот раз Литта оглянулся на него и удивленно посмотрел, как бы не понимая, зачем был сделан этот лишний вопрос: для штурмана должно было быть ясно и без того, что значит, когда ставят бизань.

Старик сдвинул на сторону губы и прищурил один глаз, но хитрое выражение его лица сейчас же изменилось, потому что в эту минуту качнуло сильнее и он должен был удержаться.

Он всегда относился к распоряжениям командира с каким-то затаенным недоброжелательством. Ему чрезвычайно хотелось, чтобы командир почувствовал наконец необходимость в его, старого штурмана, помощи или указании, хотя он знал при этом, что Литта, несмотря на свою молодость, не нуждается в нем. Но он именно не доверял этой молодости и отваге командира и ревновал его к той власти, которою сам не был облечен.

- Сходите посмотреть, как работают помпы! - приказал ему Литта.

- У меня есть дело у руля, эчеленца, я здесь нужнее, - попробовал возразить штурман, желая успокоиться хоть на том, что он, по крайней мере, необходим и что без него все-таки не справятся.

- Ступайте, куда вам велят! - крикнул Литта. Старик, слегка вздернув плечами и как бы снимая с себя всякую ответственность, повиновался.

Волны между тем поднимались выше прежнего и то поддевали корвет, став вдруг грозною громадой у одного борта его, и, ухнув, разом вырастали у другого, то, сломившись, упали с размаха и били с шумом палубу, рассыпаясь по ней пеной, брызгами, ручьями и каскадами, и обдавали своею едкой, крепкою соленою водой все, что попадалось им.

Литта, торжествуя свою борьбу, уверенный в своем "Пелегрино", каждый последний гвоздик которого он давно знал и любил, стоял с развевающимися по ветру длинными, мокрыми прядями черных волос и, высоко закинув голову, отдавал приказания, заставляя повиноваться своему голосу не только копошившихся вокруг него людей, но и исполнявший его желания поворотливый, ловкий корвет. В такие минуты его "Пелегрино" всегда казался ему каким-то живым, действующим существом, понимавшим его и связанным с ним одною, неразрывною жизнью. Ему казалось иногда, что он понимает, как человека, скрип и треск своего "Пелегрино", который, трепеща и напрягая снасти, разговаривает с ним, жалуется или ободряет и сознательно борется с ветрами и волнами.

Первый приступ бури становился все грозней и грозней. Ветер, точно порешивший на этот раз dokonать-таки "Пелегрино", рвался на него с ожесточенною, злобною яростью. Волны, вторя ему, кидали, охватывали, били и качали корвет, стараясь, словно вдруг выпрыгнув из засады, неожиданно наброситься на него и смыть с палубы бесстрашных, маленьких, почти неприметных в сравнении с их громадой людей.

Литта укрепил веревками двух матросов, ворочавших руль, и себя к палубе. Борьба завязывалась не на шутку.